

трального текста к литературному тексту. В этом-то и есть секрет самобытности театра.

Литература

Евреинов Н.Н. Театр как таковой. СПб., 1912.

Мурата С. Активное молчание слуха: драматургия ранних стихотворных пьес М. Цветаевой // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия: материалы международной конференции (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Москва, 24–28 мая 2007 г.). М., 2007. С. 94–204.

Песочинский Н.В. «Лес» и критики // Мейерхольдовский сборник. Вып. 1. М., 1992. Т. 2. С. 94–110.

Шпет Г.Г. Философия и психология культуры: избранное. М., 2007.

ДИСКУРС ПОЭТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ: ТЕКСТ – КУЛЬТУРА – ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Е.Г. Озерова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
университет
Ozerova@bsu.edu.ru

Дискурс поэтической прозы является той речемыслительной средой зарождения и развития уникального феномена человеческого духа, которое создано, как отмечает Э. Бенвенист, на основе триады «язык – культура – человеческая личность». Следует также сказать, что в дискурсе поэтической прозы язык является связующим звеном жизни психической и жизни общественно-культурной и в то же время орудием их взаимодействия. Это побудило М.М. Пришвина к необычному на первый взгляд заключению: *Истории русского народа нет: народ русский остается в своем быту неизменным, – но есть история власти над русским народом и тоже есть история страдания сознательной личности* (М.М. Пришвин «Дневники», 1922). Особенно ярко такого рода страдания представлены в русской поэтической прозе. Ведь само создание поэтической прозы – это прежде всего средство удовлетворения духовно-философских исканий личности автора, осмысление им духовных ценностей бытия. С точки зрения когнитив-

ной лингвопоэтики, поэтическая проза – это творческий акт, способный раскрыть внутреннюю динамику лингвокреативной деятельности личности автора. Познавая мир, размышляя о месте «Я» в нём, авторы поэтической прозы расширяют сам объём реальности, раскрывая нам новые горизонты внутреннего мира человека. В частности, сопряженное ощущение жизни психической и жизни общественно-культурной всегда было свойственно великим русским писателям. *«Вот в чем мое главное достоинство, – писал Н.В. Гоголь. [...] но достоинство это, говорю вновь, не развилось бы во мне в такой силе, если бы с ним не соединилось мое собственное душевное обстоятельство и моя собственная душевная история (Н.В. Гоголь, «Выбранные места из переписки с друзьями»).*

Когнитивный подход к описанию поэтической прозы позволяет говорить о ней как форме репрезентации образного познания, способе возникновения, развития и совершенствования знаний человека о мире и самом себе. *Но есть семя, жаждущее влаги и ожидающее своего расцвета: вот из этого непророщенного семени и цветов, не расцветших в своей собственной душе, я создам своего героя, и пишу историю его как автобиографию, оно выходит и подлинно, до ниточки верно, и неверно, как говорят, «фактически» (М.М. Пришвин «Дневники», 1923).*

Одним из структурных центров дискурса поэтической прозы является эгоцентризм, при помощи которого раскрывается внутренний мир и чувственное, душевное состояние лирического героя. Именно благодаря этой особенности повествования в текстах поэтической прозы в качестве её категориального признака формируется лирическая архитектура, доминанта глубокого личностного переживания описываемых событий, креативная индивидуальность автора. Внутренняя суть ценностно-смыслового пространства произведения раскрывает его поэтический дискурс, в эпицентре которого находится человек, языковая личность которого окутана этнокультурной аурой Руси. В русской поэтической прозе этому подчинены исповедальные мотивы, монологи с адресатом и самим собой, внутренняя речь, исходящая из потаённых глубин внутреннего эгопространства.

Язык поэтической прозы представляет собой многоликую систему. Однако при всём таком разнообразии можно выделить её отличительные свойства: 1) индивидуальную маркированность выразительно-изобразительных знаков; 2) поэтическую образность внутренней формы слова; 3) коннотативную имплицитность смыслового содержания.

ния, раскрывающуюся при помощи дискурсивной экспликации скрытых когнитивных ресурсов.

Художественно-образное речемышление – главное свойство языка поэтической прозы. Поэтическая функция языка, по В.В. Виноградову, опирается на коммуникативную, исходит из неё, но воздвигает над ней подчинённый закономерностям искусства новый мир речевых смыслов и соотношений. Важность такой смысловой надстройки в дискурсе поэтической прозы всегда отмечали её создатели:

«История учит», и знать старые ошибки полезно для того, чтобы не желать повторять их наново (Н.С. Лесков, «Сеничкин яд»).

Таким образом, задача просвещения состоит, во-первых, в том, чтобы ценности духа, поднятые отдельными личностями высоко над обычным сознанием, опустить в кладовую здравого смысла, т.е. сделать их полезными и выгодными, а во-вторых, уменьшить тем самым пропасть между образованными классами и классами, пользующимися собственно здравым смыслом (М.М. Пришвин «Дневники», 1920).

«Здравый смысл» созданся тоже, как и наука и философия, отдельными личностями, потерявшими свое имя в истории, он имеет к истории философии такое же отношение, как «народная словесность» к истории литературы, его отличие от философии то, что им (здр. смыслом) пользуются все, он есть всеобщее Достояние (М.М. Пришвин «Дневники», 1920).

В отличие от научного текста, целью которого является кодирование, хранение и сообщение определенной информации, художественный текст выполняет функцию воздействия (см.: Виноградов В.В., Щерба Л.В., Смирницкий А.И., Ахманова О.С.). Особенно ярко эта функция проявляется в текстах русской поэтической прозы, где она реализуется интроспективно, пропуская смысловое содержание порождаемого текста через авторское его восприятие. Тем самым создаётся художественный эффект личного сопричастия автора к описываемому событию.

«Художественный текст» – это своего рода моделирование выбранного автором «участка действительности и отражение индивидуального процесса его познания» (Кухаренко В.А., 1979: 6). В поэтической прозе в качестве фрагмента действительности может выступать любое явление окружающего мира, которое вписывается в тему произведения. Выбор автором объекта описания подчиняется лейтмотивным стимулам авторской интенции, поэтому не является случайным.

Чаще всего побудительными стимулами такого выбора оказываются «болевы́е точки» жизненного пространства автора и окружающих его людей – источник их эмоционального переживания и глубоких раздумий. Ими могут быть как нарушающие привычный жизненный ритм конфликты эпохи – социальные, идеологические, политические, экономические (Виноградов В.В, 1950), так и психологические, эмоциональные и другие лично́стно важные события, имеющие, однако, общественный резонанс. Текст поэтической прозы направлен на то, чтобы увидеть их «изнутри», тем самым эмоционально воздействовать на читателя. В тексте поэтической прозы складываются особые отношения: *действительность – образ – текст*. Именно они, будучи особой художественной конфигурацией объективной реальности и авторского воображения, имплицитным сопряжением правды и вымысла создают глубинное смысловое содержание текста поэтической прозы. *Я весь дрожал при одном взгляде на ящик с красками, пачкал бумагу с утра до вечера, часами простаивал, глядя на ту дивную, переходящую в лиловое, синеву неба, которая сквозит в жаркий день против солнца в верхушках деревьев, как бы купающихся в этой синеве, – и навсегда проникся глубочайшим чувством истинно божественного смысла и значения земных и небесных красок* (К.Г. Паустовский «Золотая роза»). При этом автор прибегает к использованию тех языковых средств, которые с его точки зрения способны передать самые потаённые движения его души, выразить в словесной форме авторские интенции. Язык русской поэтической прозы – это особая знаковая система, неоднозначность семантики которой используется для множественной интерпретации представляемого в тексте смыслового содержания. Языковые знаки, его репрезентирующие, используются главным образом в их вторичных значениях. Таковыми выступают метафоры, фразеологизированные сочетания, устойчивые выражения нефразеологического характера, передающие, как правило, архетипные представления, сложившиеся в данной этнокультуре ещё в глубокой древности.

Использование такого рода выразительно-изобразительных средств обуславливается особенностями дискурса поэтической прозы, который рассматривается нами как коммуникативно-прагматическое выражение поэтического мышления в прозе. В то же время он может быть осмыслен как процесс поэтического творчества, способ авторской рефлексии о мире и человеке, особый тип художественного мышления, формирующий эгоцентрическое (в центре повествования ав-

торское «Я») и логоцентрическое восприятие действительности. При логоцентрическом мировосприятии смыслообразующими точками поэтической прозы выступают базовые культурные концепты как ценностно-смысловые доминанты русской ментальности и духовности: *Тем-то именно и велик художник, что, творя, он забывает о своей чувствительной и пульсирующей коже и сознаёт лишь свою космическую духовность, гордясь и смущаясь перед ответственностью за случайно вспыхнувший в нём гений* (И.Ф. Анненский «Вторая книга отражений»). *Духовности больше в нации, чем в народности, но это не тайна* (В. Крупин «Выбранные места из дневников 70-х годов»).

Ценностно-смысловое своеобразие дискурса поэтической прозы определяется (а) нравственными приоритетами, (б) лирико-философскими размышлениями автора о вечных ценностях человеческого бытия и (в) утверждением своего «Я». Данная триада собственно и обуславливает особенности взаимодействия в поэтической прозе лирически возвышенного языка и когнитивной аргументации прозаических жизнесмыслов: *любовь, как она мне мерещится и как раскрывается смысл пережитого, есть путь к творчеству* (М.М. Пришвин «Дневники», 1927); *любовь включает весь смысл жизни – всю вселенную!* (А.И. Куприн «Гранатовый браслет»); *любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь* (И.С. Тургенев «Воробей»). Перефразируя мысль Д.С. Лихачёва, относящуюся, правда, к древнерусской литературе (см. Лихачёв Д.С., 1987: 5), можно сказать, что поэтическую прозу можно рассматривать как литературу одной темы. И эта тема – смысл человеческой жизни. Раскрывается она с помощью сочетания таких речевых средств, которые способны сполна передать пронзительную чувственность и народную мудрость авторского миропонимания. Такого рода философские переживания автора позволяют ему концептуально связать в единую панорамную картину все дискурсивные проявления поэтической прозы как на антропологическом уровне самораскрытия сущности дискурса, так и на уровне его лингвокультурной значимости.

Для поэтической прозы значимым является ещё один конструктивный узел в структуре поэтического дискурса. Безотносительно к поэтической прозе американский психолог Ф. Бартлетт обнаружил, что при вербализации прошлого опыта люди регулярно пользуются стереотипными представлениями о действительности (книга «Память» – *Remembering*). Воспоминание, отмечает психолог, – это не

повторное воспроизведение, а творческая реконструкция, желание заново пережить то, что когда-то было ощущением. Память, по мнению Н.Г. Брагиной, концептуализируется в языке подобно произведению живописи, на что указывает, в частности, смысловая близость предикатов *вспомнить* и *вообразить*. Именно **память преобразует прошлое в образы**. В языковом пространстве памяти деятельность сознания передаётся через творческую трансформацию обыденных образов, являющихся, по Э. Кассиреру, продуктами памяти (см. Кассирер Э., 2002, т. 3: 140). *Образная память* (в отличие от *логической памяти*) «отвечает» не столько за понимание прошлого, сколько за восприятие (Брагина Н.Г., 2007: 127). Этим собственно и обуславливаются отличительные признаки дискурса поэтической прозы.

Функции памяти Ф. Бартлетт рассматривает в аспекте культуры, а язык, по мнению Н.Ф. Алефиренко, связан с культурой и содержательно, и формально (Алефиренко Н.Ф., 2009: 31). Предыдущий языковой опыт, отмечает Б.М. Гаспаров, можно рассматривать в качестве гигантского мнемонического конгломерата, в котором фрагменты языковой ткани не лежат в памяти неподвижно как постоянные единицы хранения, условия их существования в языковом сознании говорящего проходят токи ассимилятивных и ассоциативных взаимодействий. Существование каждого фрагмента в конгломерате языковой памяти дискурса поэтической прозы неустойчиво и релятивно, а смысловые очертания подвержены изменениям (ср.: Гаспаров Б.М., 1996: 14). В когнитивной психологии память исследуется как проявление личности. В качестве субъекта внутреннего мира человека рассматривает память и Н.Г. Брагина, которая отмечает, что память выступает как артефакт, «Я человека является субъектом, как владельцем, хозяином собственной памяти. Я человека контролирует, конструирует собственную память, т.е. производит со своей памятью осознанные манипуляции» (Брагина Н.Г., 2007: 49), что и воплощается в языке поэтической прозы: *осталось в памяти, перебираешь в памяти, запечатлена в памяти*.

А на Рождество, такие трескучие морозы... а они являлись в летних пальтишках и не могли говорить от холода, а прыгали все у печки и дули в сизые кулаки, – это осталось в памяти (И.С. Шмелев «Лето Господне»).

И многое, многое пережито было за эти годы, кажущиеся такими долгими, когда внимательно думаешь о них, перебираешь в памяти все

то волшебное, непонятное, непостижимое ни умом, ни сердцем, что называется прошлым (И.А. Бунин «Холодная осень»).

Но мудрость его запечатлена в памяти всех народов и записана на небесах в книге вечной (И.А. Бунин «Смерть пророка»).

Приведённые примеры в который раз подтверждают выводы Л.С. Выготского о том, что «память означает использование и участие предыдущего опыта в настоящем поведении» (см.: Выготский Л.С., 2007). Своеобразие проявления языковой памяти в дискурсе поэтической прозы состоит в том, что она предопределяет характер речевого поведения в ней и автора, и персонажей.

Когнитивно-дискурсивной сущностью поэтической прозы являются потребности автора в «обмене» константно-инвариантной информацией с «Другим» и декодирование текста адресатом. Всё это превращает дискурс поэтической прозы или в генератор новых смыслов, или в средство «перераспределения» смыслового напряжения в тексте между вневербальными и речевыми факторами его проявления. Собственно названные интерпретации ценностно-смысловой доминанты культурной памяти языковой личности (автора и читателя) обуславливают все категориальные аспекты сущности дискурса поэтической прозы как синергетического единства текста, культуры и языковой личности.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-синергетическая сущность дискурса // Лингвистика. Герменевтика. Концептология: сб. научных трудов. Кемерово, 2008. С. 12–17.

Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии. М.: Флинта: Наука, 2009.

Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М., 1950.

Виноградов В.В. Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. М., 1963.

Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.

Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000 (а). С. 5–20.

Кухаренко В.А. Интерпретация текста. Ленинград, 1979.

Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. Избранные работы: в 3 т. Т. 3. Л.: Худож. лит., 1987. С. 5.

Словарь Л.С. Выготского / под ред. А.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2007.

Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности // Язык и наука конца XX века. М.: Прогресс, 1995. С. 35–73.

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ НАУЧНОГО ТЕКСТА: ПОНЯТИЙНЫЙ И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ

С.В. Ракитина

Россия, г. Волгоград, Волгоградский государственный
университет
s.rakitina@mail.ru

Интерес к лингвистическим исследованиям, проводимым в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, не угасает; вдохновляют его перспективы и в изучении научного текста. Это связано с тем, что данный подход позволяет рассматривать научный текст как: а) осознанный на данном этапе исследования «продукт» речемыслительной (дискурсивной) деятельности автора, определяющийся уровнем развития научных достижений в исследуемой области, объемом предметного знания, ориентацией на потенциального адресата, стилевой принадлежностью, особенностями жанра, целями, интенциями, дискурсивными стратегиями и тактиками, дискурсивными действиями, дискурсивными ситуациями и др.; б) экспликацию процесса формирования научной концепции, выделяемой во фрагменте текста, целом тексте, в комплексе текстов или во всём научном творчестве учёного; в) пространство выявления объективированных с помощью языка многоуровневых структур знания; г) результат дискурса учёного, автора научного текста; д) реализацию индивидуальной текстовой деятельности языковой личности (автора научного текста), формируемой главным образом закономерностями научного речемышления.

Использование когнитивно-дискурсивного подхода при изучении научного текста требует уточнения понятийного и терминологическо-